

Алексей Калинин



ВОЙНА КЛАНОВ

ОХОТНИК 1

16+

Алексей Калинин
Война кланов. Охотник 1

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Калинин А.

Война кланов. Охотник 1 / А. Калинин — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Скучающие Боги запустили в мир Игру. Три клана, как повелось изначально, и каждый из Богов стремился помочь только своим игрокам. Перевес остался за охотниками, но остальные не смирились со сложившимся порядком...
Прошло время, Боги забросили Игру, но не сказали об этом игрокам! В мире всё те же междоусобицы, также льется кровь и звенит металл. Наступило время финальной битвы. Останется один клан, а остальные должны сгинуть навсегда!

Содержание

Том первый	5
Попадание в «Войну»	5
Боевое крещение	10
Первый навык	19
Пистолет у носа	24
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Том первый

Попадание в «Войну»

Что-то сегодня жарковато. Меня даже прошибает пот, пока добираюсь до общаги, неся в пакете бутылочку пивка и два «Дошика». Сперва хотел взять нормальных пельменей и устроить себе пир от пуза, но взгляд упал на стеллаж с катриджами видеоигр и...

В общем, теперь я счастливый обладатель катриджа Сеги с завлекательным названием «Война кланов» и возможный обладатель язвы желудка. Хотя, у студента в «топке» всё сгорает, поэтому я не особенно переживаю по этому поводу. Зато, сегодня до вечера мне есть чем заняться, а там намечен крестовый поход на «посвящение студентов». А вечером веселье и разгул...

Мимо нашей вахтерши Зинаиды Павловны я прохожу с видом ужасно занятого человека, который вдруг нашел карту с указанием клада и теперь думает – когда же отправиться на поиски? Хорошо ещё, что пакет непроницаем, а то не исключено появление коменданта с нравоучениями по поводу распития спиртных напитков – с неё станется.

– Саша, чего у тебя такое лицо? В туалет хочешь? – слышу я от неё, пока забираю ключи.

– Да нет, погода хорошая. Вот и радуюсь, – я стараюсь сделать улыбку как можно более радостной и искренней.

– А чего домой не уехал?

– Да сегодня же посвящение. Как я уеду?

– Если придешь пьяный, то будешь ночевать на улице, – пригрозила вахтерша.

– Не-не-не, я же вообще не пью, – ответил я, стараясь не сильно отсвечивать пакетом.

– Ну да, рассказывай...

Я захожу в свою комнату на третьем этаже и выдыхаю. Можно приступить к культурному отдыху. Со стола на меня уставился серым буркалом-экраном телевизор, взятый у соседей на выходные. Рядом притулилась игровая приставка, пожертвованная другом Женькой.

«Golden Axe 3» уже пройден. «Mortal Kombat 3» заезжен до такой степени, что Шао Кан уже узнает меня в лицо. «Боевые жабы» с двойными драконами тихо курят в сторонке. Пришло время новой игры!

Морда волка, суровое лицо человека и медвежий оскал настраивают на серьезный лад. Я включаю телевизор с приставкой, открываю бутылочку и бомж-пакет. Надо бы заварить, но так влом ставить чайник – с пивасом и всухомятку сойдет. Всё, я готов к серьезным сражениям и офигительным победам.

Катридж вставлен и, после обязательного значка «SEGA» на экран выплывает картинка с арбалетами, оскаленными клыками и когтистыми лапами. Арбалет чем-то кажется мне знакомым. Где-то я его видел...

Поверх картинки проявляется надпись «Война кланов». Суровая такая надпись, не чета ругательствам на заборе. Звучит бравурная компьютерная музыка. Вот умеют же композиторы так накладывать звуки, что аж мурашки по коже пробегают. Заставка пропадает и появляется надпись:

Добро пожаловать в ВОЙНУ КЛАНОВ

Выбери игрока

Чуть ниже появляются три перса – человекообразный волк, мужик с арбалетом и медведь с наручными браслетами.

Ну, я приверженец человеческого рода, поэтому без раздумий жму на мужика.

Пиу-у-у!

Тут же пропадают все написи и на экране появляется... Охренеть что появляется...

Снежные хлопья падают и укладываются среди холодных собратьев на лесной поляне. Свинцовые тучи посыпают так, словно хотят стереть с лица земли черные ветви угрюмого леса.

Тоскливый вой проносится над полем. Пока никого, лишь одинокий ворон ерошится на суку и поглядывает одним глазом. Он и сам не знает, что заставило прилететь сюда, почему щемящее чувство необходимости вытащило из дупла?

Что-то должно произойти... Что-то важное...

На краю поляны вздрагивает ветка. Снег срывается и обнажает сине-зеленые иглы. Из-за деревьев показывается мужчина. Обух топора соскальзывает с ветки, и та кидается обратно, сбрасывая последние комья белой пыли. Герой неторопливо идет по полю, прямо как я на пары.

Ворон приковывает взгляд к одинокому путнику.

Овчинный тулуп распахнут, над человеком слегка зыбится воздух. Скуластое лицо покраснело от ходьбы, на усах и бороде белеют мелкие сосульки. Пар изо рта оседает на околыше меховой шапки. Длинные русые волосы падают за спиной на гладкую черную рукоять. Что это за непонятный отросток и к чему он крепится – птице не удастся разглядеть.

Ворон хрипло каркает. В ватной тишине резкий звук раздается громом среди ясного неба. Мужчина вздрагивает и останавливается. Пронзительный волчий вой звучит ближе.

Пришелец кладет топор, тянет из-за спины рукоять, и она переходит в черную прямоугольную рейку. Человек резко дергает за шнурок, и от рейки расходятся два уса. Сноровисто ложится на ответвления тонкий шнурок и под падающим снегом возникает большой охотничий арбалет. На черном прикладе оружия видны багровые вставки, словно пятна крови на потухшей головне.

Герой натягивает тетиву, аккуратно устраивает болт в ложе и опускается на одно колено. Арбалет смотрит в сторону, откуда донесся волчий вой. Человек замирает, лишь парок дыхания выдает в нём живое существо.

Несколько минут ничего не происходит. Ворон вскидывается ещё раз, сбрасывая налипший снег. Птица едва не упускает момент, когда из гущи занесенного орешника вылетает черное тело. По полю стелется зверь похожий на человека и волка одновременно. Мощные лапы выкидывают сугробы снега, среди длинных белых зубов мотается алая ленточка языка, золотые глаза прожигают застывшую фигуру.

Ворон вновь хрипло каркает, и мужчина стреляет...

Карканье ворона заставило его вздрогнуть или вид летящего зверя?

Может и то, и другое, но он промахнулся. Болт проносится рядом с ухом черного существа. Огромный оборотень продолжает мчаться по заснеженному полотну.

Мужчина откидывает в сторону арбалет и сжимает топорнице. Фигура человека подается к оборотню, голова втягивается в плечи...

Зверь приближается...

Один взмах лапами, второй...

Бородач прыгает навстречу...

Враги сшибаются в полете и катятся кубарем по снежному полю. Мужчине удается перекинуть через себя существо, и в ровной простыне поля появляется новая борозда. Несколько алых капель прожигают кипенно-белый снег. Зверь вскакивает на лапы и вскидывает морду к серым тучам. В третий раз тоскливый вой улетает под темнеющие небеса. Мужчина перекидывает топор из одной руки в другую. Черный зверь прижимается к земле...

Громовое рычание раздается на поляне. Человек и зверь оглядываются на новый звук. Огромная ель на краю поляны вздрагивает, словно человек, которому кто-то неожиданно гаркнул над ухом. Лавина срывается с раскидистых ветвей, но не успевает последний ком упасть на землю, как из туманной пелены вырывается ещё одно огромное существо.

Неизвестно, кто сотворил его – человек и медведь слились воедино в этом кошмарном создании. Удлиненные лапы похожи на мохнатые руки, на груди спокойно уляжется годовалый теленок, ярость сверкает в крохотных глазках. Лохматый колосс стоит на задних лапах и сжимает кулачищи, каждый размером с улей диких пчел. Человеко-медведь скалится и рычание, напоминающее раскаты обвала в горах, заставляет ворона встрепенуться.

– Вот тебя нам и не хватало! – хрипит мужчина.

Человековолк протяжно воев в ответ на рычание бурого гостя. Медвежьи лапы приходят в движение, огромное тело со скоростью брошенного копья приближается к двум бойцам.

– Не трожь, он мой! – в рыке оборотня-волка прорезается человеческая речь.

– Ещё увидим! – мужчина прыгает на черного зверя.

Волколак двигается так быстро, что на миг расплывается в темную тень. Слегка уйдя в сторону, огромная лапа цепляет бок человека, и мужчина отлетает в сторону как снежинка, которую ребенок сдувает с рукавички. Поднимается туча снежной пыли. Правая рука не выпускает топор, хотя другая прижимается к ране на боку. Мужчина вскакивает на ноги и успевает увидеть, как бурый зверь сшибается с черным.

Два огромных монстра схлестываются в воздухе как брошенные навстречу друг другу каменные валуны. Раздаются шлепки ударов, будто пекарь всаживает кулаки в опару. Клацанье клыков бьет по ушам, скрежет когтей заполняет поляну от края до края.

Ворон поворачивает набок голову, внимательно всматриваясь в действия человека. Тот сжимает руками топориче и приседает на колено. Его слова неразборчиво урчат на фоне драки.

Гром раскалывает серое небо. Яркий зигзаг молнии летит в человека, но тот успевает подставить под него оружие. Металл краснеет, небесный пух падает на кельт и поднимается обратно облачками пара. Человек чуть горбится и начинает приближаться к противникам.

Человекомедведь отшвыривает волколака, и тот сбивает мужчину с ног...

Бородач вскакивает первым и заносит над поверженным оборотнем раскаленный топор...

Черный зверь отталкивается лапами от заснеженной земли, и кельт вонзается между мохнатых конечностей...

Огромная пятерня бьет в ответ. Мужчина отлетает на добрый десяток саженей. Топор остается торчать в заледеневшей корке...

Над топоричем пролетает бурый снаряд, и звери вновь сталкиваются в яростной схватке. Брызги алой крови прожигают дырки в снежном покрывале. Длинные когти впиваются в черную морду, клыки до половины окрашиваются алым. Человековолк не отстает от своего противника, рвет так же отчаянно, стремится не защищаться, а нападать.

Человек достает из-за пазухи несколько острых багровых стержней. Он что-то шепчет, но ворон не в силах разобрать слова за завыванием ветра, рычанием и смачными шлепками. Бородачу не удастся воспользоваться иглами, также, как и топором...

Человекомедведь успевает перехватить удар. Он поднимает человека за руку и несколькими движениями вырывает иглы из окровавленной ладони. Заносит лапу, чтобы снести кучерявую голову, но в этот момент зубы волкодилака впиваются в мускулистую ногу, и огромный зверь взывает, выронив человека...

Ворон срывается с места и поднимается над полем битвы. Видит, как уклоняется от замаха человек, как машет лапами черный зверь, как приседает и отпрыгивает человекомедведь... Битва продолжается долго, трое бойцов вытаптывают широкий круг, увлажняют его кровью.

Никто не может взять верх. Ворон парит и чувствует, как снег прилипает к крыльям и делает их тяжелее.

Наступает короткий миг передышки, когда бурый зверь отшвыривает в сторону волкодилака и отбрасывает человека. Трое встают по краям грязно-алого круга – проведи между ними

прямые, получится правильный треугольник. Трое смотрят друг на друга. От усталости дрожат руки, ноги, лапы. В глазах сверкает бессильная злость. Они понимают, что не могут одолеть противников.

– Договор! – хрипло выкрикивает человек.

– Договор! – рычит черный зверь.

– Договор! – грохочет человекомедведь.

Трое сходятся посередине круга. Ворон опускается рядом, но не слышит, о чем говорят трое истекающих кровью существ – их словно окружает хрустальный кокон и звуки не проникают за его пределы.

Ворон мелкими прыжками подбирается ближе и в этот момент человек резко выпрямляет руку. Коротко сверкает багровый всполох, и ворон на краткий миг видит летящую в его сторону медную иглу...

Электрический разряд вылетает из экрана телевизора, и я вижу только вспышку, прежде чем наступает темнота...

Что за хрень?

Это была моя первая мысль и я собирался её как следует обдумать. Но сначала надо осмотреться...

Я лежу на полу, пот попадает в глаза. Щиплет. Ещё и воняет пивом, как будто я упал в бочку с солодом.

Я стираю влагу со лба и смотрю на мокрую ладонь. Ни хрена себе, вспотнул. Или это пиво? Бутылка лежит поодаль и печально пялится на меня горлышком. Половина содержимого на полу.

Вот и попил пивка...

Чего это меня так шибануло? И почему в комнате пахнет горелым?

Твою же мать! Телевизор слабо дымится и горестно потрескивает. Вот и поигрался в новую игрушку... Как теперь перед Серегой с Кирюхой оправдываться?

На прикроватной тумбочке стоит фотография в синей пластиковой рамке. С глянцевої поверхности улыбается девушка, которая так неожиданно ворвалась в жизнь первокурсника и так внезапно из неё исчезла... Тихо забрала документы из техникума и исчезла. Эх, Людмила, Людмила.

Всё! Не хватало ещё расплакаться! Соберись, тряпка! Разнюнился...

Свет на ней не сошелся клином, будут в жизни другие встречи и расставания. Сейчас нужно подняться, оценить ущерб, взять мьельно-рыльные принадлежности и привести себя в порядок. С телевизором попробую разобраться позже. А вот с игрой... Крутая заставка, и ведь озвучка

Гляжу на часы и ойкаю.

Вот-вот забежит сокурник, так что нужно поторапливаться. Хотя, если придем раньше, то рискуем напиться до начала мероприятия, если же придем позже, то вечер грозит пройти на сухую. «Точность – вежливость королей и долг всех добрых людей» – как говаривал Людовик Великий, а дядька, который правил семьдесят два года, вряд ли фигию какую сморозит.

Всё, почти всё. Оглядываю себя. Вроде ничего. Высокий, плечистый парень с резко очерченными скулами. Светло-русые волосы. Немного кривой нос – память о секции по рукопашному бою. Слегка оттопыренные уши добавляют мальчишеского задора вполне серьезному выражению лица. Не красавец писанный, но и далеко не урод.

Я делаю бедрами известное движение Майкла Джексона – самец готов выйти на охоту. Берегитесь, девчата!

Единственная родственница, тетя Маша, не устает повторять, что я очень похож на отца, только глаза мамыны, синевато-желтоватого оттенка утреннего неба. О сходстве я могу судить только по оставшимся фотографиям...

– Ну что, ты готов? – дверь распаивается, и в комнату влетает ураган по имени Женька. – Фу, ну и вонища у тебя тут.

Его приставка как раз и стоит на столе, возле сгоревшего телевизора. Он видит, что я причёсываюсь, и пытается изобразить боксера, а мне достаётся незавидная роль груши.

– Готов, готов, осталось «туалеткой» брызнуться! Это я пытался телек настроить, но там лампа сгорела...

Я уклоняюсь от двух ударов и отвешиваю ему шелбана. В ответ на это огорченный сокурсник исподтишка даёт мне пендаля и кидается к столу, где лежит собранная закуска. Хлеб, вареные яйца, зелень и кольцо «Краковской».

– Всё, обожремся и порем молодыми. Завязывай прихорашиваться, нас батя подкинет. Да и ребята уже ждут. Давай шустрой! – Женька мчится к дверям, я иду следом.

Напоследок окидываю взглядом студенческую комнату общежития, где покоятся три кровати, тумбочки, шкаф и стол с табуретками. Вроде бы всё выключено. Выхожу и закрываю дверь.

В этот момент перед глазами вспыхивает и почти сразу же пропадает надпись:

Твое первое задание:

ВЫЖИТЬ

Пока я хлопаю глазами, надпись благополучно смывается. Трясу головой, но надпись не появляется. Ёкарный бабай, не хватало ещё кукушкой повредиться из-за электрического разряда...

Боевое крещение

– Ты отлично двигаешься! – кричу я в розовое ушко, чуть прижимая горячее тело.

В небольшом зале дискотечного клуба «Ш.П.» по-другому общаться невозможно, а говорить что-то нужно, и так целую минуту топчемся без слов. Скоро песня закончится, и неизвестно – когда ещё наберусь смелости пригласить на танец эту феечку. То, что она из сказок не оставляет никаких сомнений – такая прелестница не может быть обычным человеком. Эльфийкой может, человеком – нет.

Глаза девушки сверкают шоколадной глубиной, когда нежный голосок отвечает:

– Спасибо, ты тоже хорошо ведешь!

Сердце стучит с частотой заводящегося мотора, словно в первый раз, когда увидел её в компании других первокурсниц.

Красавица плыла по коридору легкой походкой, почти не касаясь вытертого линолеума. Проходя мимо нашей группки, улыбнулась именно мне, хотя могло и показаться. Зачесанные светло-русые волосы спускались ниже плеч и покачивались при каждом шаге. Красивое лицо, бездонные глаза и сногшибательная фигурка лучились таким внутренним светом, что я невольно замер, не закончив свежий анекдот.

А теперь мы танцуем медленный танец, и я почти счастлив. Почти, потому что где-то внутри ноет червячок и напоминает про Люду...

Лучи стробоскопа раскрашивают танцующие пары, скользят по возвышению ди-джея, облизывают ломаные линии, нарисованные фосфорной краской на стенах, предательски выдают сосущиеся парочки в углах.

Друг и сокурсник Евгений Коротаев подмигивает и выставляет большой палец, то ли оценивая девушку, то ли подбадривая. Он обнимает партнершу неподалеку от нас и также топчется на кафельном полу. Рыженькая миловидная девушка что-то увлеченно трещит ему на ухо.

Разговор нужно вести дальше. Однако мыслей так много, а язык словно обложили камнями.

Что говорить, чем заинтересовать?

Наконец, отбрасываю сомнения в сторону, и выбираю привычную линию ненавязчивой болтовни:

– Меня Александр зовут, но чаще всего прихожу незванным. А как называть упавшего с неба прекрасного ангела, что составляет компанию в танце?

Как же банально! Но слово не воробей – выплнешь и неизвестно, когда придется напиться. Мысли мечутся в разгоряченном мозгу.

Блин, опозорился?

– Юля, и не ангел я вовсе, но за комплимент спасибо! – скользнувший по лицу луч стробоскопа заставляет карие глаза вспыхнуть красным, и на миг превращает партнершу в соблазнительную вампиршу из фильмов ужасов.

Я открываю рот, чтобы продолжить в этом же духе и, возможно, развить небольшой успех, но "вампириша" прикладывает тонкий пальчик к губам:

– Давай дотанцуем, а то разговоры сбивают с ритма!

Я невольно вдыхаю, и аромат духов щекочет ноздри. Пахнет луговыми травами и запахом малины. С удовольствием киваю и кружусь, держа за талию волшебное творение. Держу как бокал из тончайшего хрусталя, боюсь дышать, чтобы не спугнуть мечту, сказку.

Под сводом клуба «Шуйский пролетарий» крутится блестящий шар, мелкие зайчики легонько перепрыгивают с пары на пару. Сладкоголосая певица группы «Nightwish» выводит

рулады о прогулках по воздуху. А нас кружат волны музыки, покачивают в такт, и мы сами будто порхаем в облаках.

И никого рядом, лишь огромные карие глаза, лишь несмелые прикосновения рук, лишь чудесно пахнущие волосы. Сплошной романтизм и гон крови по артериям и венам...

Так не хочется прекращать сказочный танец и чувствовать прикосновения жаркого тела, но певице задолбалось гулять в звездных высотах, и песня заканчивается. Юлины руки соскальзывают с плеч, нужно срочно что-то предпринять.

– Благодарю за прекрасный танец, чудесное создание с великолепным именем Юлия! Разрешишь чем-нибудь угостить? – я придерживаю девушку за талию.

Стипендия, полученная накануне «дня посвящения» и не успевшая перейти в съедобное состояние, позволяет задать такой «мажорский» вопрос.

Легкая кофточка сминается от прикосновения руки и приоткрывает полоску светлой кожи. Невольно задерживаю взгляд на подобном откровении, и, ценой титанических усилий, получаю перевести взгляд обратно на лицо.

Ди-джей ставит что-то энергичное и популярное, где нет близкого контакта, зато есть ритмичное «дыц-дыц-дыц». Вокруг собираются в кружки студенты, которые разошлись на время медленного танца. Юля окидывает взглядом затемненный зал, и её изящная ручка кому-то машет.

– Разрешаю угостить минералкой, а то здесь очень душно! – Юля улыбается, и у меня екает сердце.

И это я – закаленный в любовных интригах третьекурсник, у кого несколько раз был секс с Людой, и целая куча поцелуев с другими девчонками! Мало? Ну да, я немного скромн.

Эх, Людмила, где же ты сейчас? Но нет, нужно перестать вспоминать прошлое.

Не буду! Она не вернулась и забрала документы, мне ни строчки.

Предала! Но прочь грустные мысли!

Хватит. Я же пришел забыться и повеселиться. Жги, Сашка, рви последнюю тельняшку!

– А может, чего покрепче? Пивка для танцевального рывка, или винца для улучшения цвета лица?

Юля двигается за спиной, пока я ледоколом рассекаю людскую потеющую массу. И тут из моей руки вырывается её теплая ладонь. Я оглядываюсь. Что такое? В ответ на «невинный» вопрос получаю такой обжигающий взгляд, что уши вспыхивают угольками.

– Нет, только минералку! – в голосе слышен перезвон сосудов. Однако не успеваю мысленно оттащить себя за вихры, как тон меняется на более теплый. – Я не пью спиртное, и не переношу его запах.

– Ну, нет – так нет, и я почти не пью, – сразу отвечаю, пока во рту тщательно перекачивается мятная жвачка. – Хотя за бокалом чего-нибудь слабоалкогольного и разговор льется ручейком.

– Не замечала, что ты конфузишься разговаривать! – в свете ультрафиолета зубки кажутся белее мела.

Облегченно выдыхаю – чуть не испортил впечатление. О чем говорить дальше? Юля не такая, как другие девчонки: этим подкинешь пару банок пива и готовы хохотать над любой глупостью.

А может она цену набивает?

Вряд ли, тут дело серьезнее, и разговор нужно вести осторожно, иначе придется возвращаться одному по холодной промозглой улице. Или шуровать в компании Евгения и рыжевласки. Не особенно радует молчать всю дорогу, поддакивать в нужных местах и слушать переливчатую лапшу.

Сжимая в руке прохладную ладонь, я пробиваюсь сквозь толпу, и мы подходим к дискотечному бару. По крайней мере, неоновая вывеска «Bar» старается всех в этом убедить.

За стеклянной дверью скрывается большая комната с неказистой барной стойкой. За этой перегородкой мрачно возвышается зеркальный шкаф, где красуются бутылки пива и легкие наливки. В центре комнаты доживают век несколько столов с пластмассовыми "тронами", к стенам пугливо жмутся длинные дощатые полки.

Водка запрещена, а нарушающие вето студенты наказывались строгими выговорами, вплоть до исключения из «технаря». Поэтому студюсы стараются «набрать форму» до дискотеки, а в бар ходят догоняться те, у кого в кармане хрустит, а не позванивает или уныло молчит.

Я с друзьями бегал через дорогу, в небольшую пивнушку за сильно разбавленным, но дешевым пивом.

Столики оккупированы посетителями. Мы занимаем место у настенных полок. Синеватая клеенка местами порезана усердными посетителями, словно тут играли в «ножички». Из-за застекленных дверей музыка звучит тише, и можно не напрягать голосовые связки. Гости бара окидывают нас взглядами и возвращаются к бутылкам и пластиковым стаканам. Как в американском салуне – зашел ковбой и хрен с тобой.

– Прошу извинить милостивую сударыню за то, что оставляю в одиночестве, но мне нужно быстренько одолеть вон того волосатого дракона, дабы принести трофейную минералку! – я киваю в сторону барной стойки и изображаю галантный поклон. Были бы сапоги – лихо цокнул каблуками.

– Соизволяю, но прошу недолго! Победите дракона и тут же назад! – в тон моему дурашливому тону отвечает девушка.

Юмор понимает, уже хорошо.

Щуплый бармен болтает с захмелевшей грудастой девчонкой с соседнего отделения бухгалтеров. "Гроза отчетов и зарплат" до невозможности растягивает пухлый ротик, маслянисто-завлекающе поблескивают голубые глазки, грудь третьего размера угрожает порвать тонкую ткань блузки.

– Уважаемый, две минералки, пожалуйста! – я шлепаю стольником по стойке.

Эх, гулять так гулять!

Никакой реакции в ответ. Похоже, длинноволосый бармен чересчур увлекся разведением подруги и никого не замечает, или же делает вид, что настоящий гусар. С раздражением (еще бы – препятствие, задержка на пути к мечте), я повторяю заказ громче.

– Подожди, сейчас отдам заказ и подойду! – отвечает бармен, чей жаркий взгляд почти со чпоком отрывается от груди «бухгалтерши».

Из-под прилавка показывается большой пластиковый стакан, блестящий краник утопает в руке. Тару наполняет янтарная струйка. Тихо растет шапка пены, на пластиковых стенках выступают мелкие капельки. Хмельные глазки «бухгалтерши», неотрывно взирают на процесс, пухлые губки растягиваются в пьяной улыбке.

Я поворачиваюсь к Юле и ободряюще подмигиваю. Девушка кивает в ответ, и, с выражением легкой брезгливости на лице, продолжает осматривать помещение. Отлично её понимаю – мне тоже не нравится здесь.

Замызганные серые стены, напрягающая атмосфера. Хмурые субъекты с татуированными пальцами. Поддавшие старшекурсницы, которым черт давно уже не брат. У потолка сизым туманом гуляет сигаретный дым, который застилает и рассеивает свет запыленных ламп.

Посреди сумрачного разгула, как ангел среди чертей, выделяется стройная фигурка, светится невинностью милое личико. Появляется легкая улыбка, когда замечает мой взгляд. Не здесь Юля должна быть, ох и не здесь.

И, от осознания этого факта, непонятная злость на окружающих, на обстановку, и на себя закипает в душе, но вместе с тем подрагивают колени, мышцы дергаются, словно от ударов

тока. Какая-то странная краснота наползает на очертания предметов, словно гаснет обычный свет и появляется свет из комнаты для проявки фотографий.

И движения других людей замедляются...

Фигня какая-то. Надо встряхнуться, чтобы снять странные ощущения.

– Ну ладно, милый, спасибо за пивасик, ещё увидимся! – «бухгалтерша» хватает стакан, и легкой бабочкой смывается в сторону танцпола.

Только что засыпающая на барной стойке, девушка ступает уверенно и твердо, унося жидкую добычу. Бармен ошалело смотрит вслед. Когда же понимает, что его банально развели, зло сплевывает на пол:

– Вот же проשמандовка! Продинамила! Ну, чего тебе?

– Две минералки! – эпизод охлаждает злость и даже веселит.

«Бухгалтершам» палец в рот не клади – вся группа из девушек. У них «бухучет» поставлен на широкий поток – скрупулезно учитывают и делятся опытом, где и как можно бухнуть на халяву. Похоже, бармен устроился недавно, поскольку прежние опытные «корчмари» не ведутся на подобные представления.

Подав две запотевших бутылки, бармен швыряет на стойку полтинник.

– Э-э, слышь, уважаемый, на такую сумму я могу пять бутылей купить, и на жвачку останется!

– Не нравится – ищи дешевле! – бурчит бармен и отворачивается к зеркальному шкафу, исподтишка наблюдая за моей реакцией.

Ну да, надо же отбивать «подаренное» пиво.

Спавшая злость вновь захлестывает горячей волной. Да как он смеет отыгрываться на мне? Сам ошибся – нечего на других срывать! Снова краснота. На этот раз краски становятся гуще, как будто кто-то замазывает кровью стекло кинокамеры.

Однако, меня ждет Юля, и это немного смиряет пыл, хотя игривое настроение изрядно подпорчено таким отношением. Взглядом я обещаю бармену увидиться позже, при более удобных обстоятельствах.

Появившуюся красноту я списываю на повышение давления. А на что ещё списать?

Юля рассеяно смотрела в зал сквозь стекла дверей. Три парня со столика в углу открыто кидают на неё сальные взгляды, переговариваются и ржут масляным шуткам. Это тоже мало способствует поднятию настроения. А ведь хотел прийти развеяться...

– Благодарю! – Юля берет запотевшую бутылку из рук и кивает в сторону барной стойки. – Что-то случилось? У тебя грустное лицо.

– Бармена на бокал пива развели, вот и срывается на всех, – я придвигаюсь ближе. – Ой, да и фиг с ним! Давай лучше познакомимся поближе. Я знаю, что ты на первом курсе учишься. А где живешь? Может нам по дороге, и я буду удостоен чести тебя проводить?

– Вообще-то я не одна (сердце подскакивает к горлу), а с подружками (сердце успокоено планирует обратно), но от хорошей компании не откажусь. Живем около Педунивера (ого, через весь город чесать!), не раздумал ещё провожать? А вот, кстати, и Кристина с Таней подходят! – Юля машет рукой двум симпатичным девушкам, которые возникают в дверном проеме.

Рыженькая девчонка недавно танцевала с Евгением.

Вот же повезло! Мой друг охмурил её подружку!

Вместе веселее будет идти.

– Мы тебя там высматриваем, а ты тут развлекаешься! – стрельнув лукавым взглядом, щебечет рыженькая. – Мы домой собираемся, скучновато стало. Ты с нами? Или с кавалером останешься?

– Конечно, иду! Да и кавалер изъявил желание предоставить защиту и охрану. Пообещал проводить и защитить от маньяков и насильников! – отвечает Юля и незаметно пожимает мою руку.

– Привет, офигительнейшим представительницам человечества! А куда Евгения подевала? – я улыбаюсь, принимая игру в любезность. – Или меня ищет, чтобы препроводить под более надежной охраной прекрасных дам?

– Женька – твой друг? Да ему сейчас самому защита нужна. Он с двумя парнями у туалета разбирается. Кто кого из них толкнул – непонятно, меня Кристинка сразу утащила! – рыженькая Таня кокетливо поправляет безукоризненно лежащую челку.

– Опять?

Я страдальчески закатываю глаза. Мда, насчет удачного стечения обстоятельств я очень и очень сильно погорячился. Начало происходить то, чего опасался – очередное невеселое завершение дискотеки, то есть "разборка". Минералка не дождется своего открытия, поэтому я её протягиваю Тане.

– Что, частенько бывает? – хихикает рыжевласка. Юля тоже заинтересованно смотрит.

– Бывает, иногда. Извините, милые дамы, но я вынужден вас покинуть. Сейчас постараюсь мирным образом утрясти возникший философский диспут. А после мы в полной мере обеспечим охрану и защиту от ночных маньяков! – я дурашливо кланяюсь и собираюсь выйти из бара.

Евгений все-таки друг, хотя и редкий раздолбай.

– Мужчины! – грудным голосом говорит Кристина. – Все бы вам разбираться!

– Может не надо? – когда я, поджав губы, мотаю головой, Юля продолжает. – Возвращайся скорее... и аккуратнее там.

От этих слов грудь сама собой выпячивается колесом, а плечи же напротив – отходят назад. Так, походкой уверенного в себе мужчины, я выхожу из бара, а в спину звенит озорной крик Тани:

– И Женьку не забудь!

Забудешь его, как же!

На танцполе царит движение. Упругий сумрак пытаются рассеять лучи стробоскопа и вспышки разноцветных ламп. Топчется и пыхтит народ, компании образуют небольшие кружки. Девчонки гарцуют перед парнями, изгибаются в меру врожденных приличий. Ребята выкаблучиваются в ответ, стараясь не сходить с занятого места и не наступить на кучку женских сумочек.

Я по стенке пробираюсь к туалету, где виднеется высокая фигура Евгения. Возле друга вертятся два сухощавых паренька, поглядывают на него снизу вверх. Евгений, на целую голову выше парней и по комплекции как оба вместе взятые, вяло отвечает и хмурится.

Две Моськи прыгают на Слона из басни Крылова, даже забавно. Но шутки шутками, а ребята не внушают доверия.

Тревога шевелится где-то глубоко внутри – обычно парни субтильного телосложения твякнут пару раз и отходят, но эти явно похожи на «зазывал». Подобные индивидуумы появляются на каждой дискотеке: специально напрашиваются на грубость и выводят на улицу обычным предложением: «Пошли, поговорим? Или зассал?». А в темноте поджидает толпа в пятьдесят человек, и у всех нестерпимо чешутся кулаки.

Так и есть – один из парней мотает стриженной головой в сторону выхода. Где-то я его видел?

– Здравсте, господа хорошие, и недобрым тоже привет! Что за терки на танцполе? – я стараюсь улыбнуться как можно дружелюбнее, авось удастся уладить мирным путем.

Так не хочется доказывать кому-то, что зубы мне ещё пригодятся.

– Что за чудо вылезло? Не лезь – не с тобой базар ведем, а то тоже огребешь! – коротко стриженный окидывает взглядом мою внушительную фигуру.

– Он здесь был, а вот вы откуда выползли? Дергайте обратно, пока в памяти! – предлагает Евгений.

Если предлагает, значит, не очень сильно достали, хотя крылья носа отчетливо подрагивают и кончики пальцев выстукивают дробь на шершавой стене.

– Ты борзянки обожрался, марамой? Тяни кента и пойдём побазарим, нечего перед мусорами светиться! – отвечает другой парень, похожий на крысу. Вытянутый нос постоянно шмыгает, и вертится по сторонам, словно принюхиваясь к чему-то.

В десяти метрах от нас активно кокетничает с двумя молодыми милиционерами заведующая отделением технологов. Женщина бальзаковского возраста то и дело поправляет аккуратно уложенные волосы, стреляет при каждом удобном случае выразительными взглядами. Словно та «бухгалтерша» из бара, но если там «актриса» выиграла пиво, то здесь игра ведется на более крупные ставки.

Может, сегодня хоть ей повезёт?

– Нет, бойцы, давайте на месте перетрем и разбежимся своими дорогами! – я ещё надеялся на мирное урегулирование и скорейшее возвращение к Юле.

– Чё, подружки, боитесь – мы вас в кустиках опустим? – щерится стриженный парень.

Последней фразой он все-таки добивается своего – окончательно выводит из душевного равновесия Евгения, и хоронит недавнюю надежду на мирное урегулирование конфликта. Кулак бьет по стене, и на темно-синей поверхности остается паутина белых трещинок.

– Пошли, хмыри!!! Нечего впустую гонять!!! – рывкает Евгений.

Возражать и пытаться утихомирить бесполезно – являясь ярким гомофобом, друг очень агрессивно реагирует на подобные оскорбления. Остролицый радостно улыбается и поворачивается к выходу.

– Женька, голимый же развод, чего ты повелся? – спрашиваю я, когда слегка отстаем от идущих впереди парней.

– Мне сиренево. Он должен ответить за свои слова! – лицо Евгения багровеет, в таком состоянии он готов идти против любой толпы.

– Из-за чего хоть разбор-то?

Хотя от ребят и пахнет «смелой» водой, но не настолько же они пьяные, чтобы с бухты-барухты лезть на здорового бугая.

– Они шарились по залу, и тот, остроносый, наступил мне на ногу. Я посоветовал гулять аккуратнее, носатый залупился, мол, не раскидывай оглобли. И так слово за слово, членом по столу! – Евгений смотрит на спины, нервно сжимая кулаки.

Кулаки внушительного размера, недаром же Евгений столько лет со спортом «на ты». Вот выдержки и здравомыслия явно не хватает, иначе не выходили сейчас на улицу, а «утихомирили» бы ребят, и оставили посапывать в отдаленном темном уголке. Но нет же, теперь Евгений хочет крови, и неизвестно – чем эта жажда обернется.

Мы оказываемся на улице. Свежий осенний воздух окатывает прохладой, немного остужает разгоряченные лица, а ветерок ласково сушит пот, оставшийся после душного помещения. За нами выходит молодой сержант и чиркает зажигалкой. Остроносый кивает на рощицу через дорогу.

Из-за рощи выглядывает забор колхозного рынка, справа спят закрытые ларьки и достопамятная пивнушка. Возле последней, с ополовиненными стаканами в руках, переговариваются несколько человек. Слева от рощи медленно текут холодные воды Тезы.

Движения в роще не наблюдается. Под ногами шелестит опавшая листва, мокрые кусты цепляют за одежду, с веток порыжевших лип срываются капли. Свет уличных фонарей достает и сюда, проникает между стволами и рассеивает осеннюю тьму. На небольшой полянке ни

души, что не может не радовать. Бутылки из-под пива, жестяные банки, обрывки газет и прочая грязь цивилизованного мира укрывают землю разноцветным ковром.

– Слышь, хорек, так что там насчет «подружек»? – спрашивает Евгений, – Ответишь, или вас сходу размотать?

– Ты с кем бакланишь, мудила? Ещё не всосал тему? – гундосит остроносый.

– Вас сейчас самих закопают, лошары! – так же громко говорит второй. Суетливый взгляд блуждает за нашими спинами.

Я быстро оглядываюсь.

Ёкарный бабай! Не зря же чучечка кричала, что это зазывалы...

К нам неторопливо подходит группа, замеченная у пивнушки. Люди разного телосложения, но одинаково одетые. На плечах куртки из кожи «дермантозавра», на ногах спортивные штаны. Хулиганы местного разлива. И подходят, судя по лицам, явно не с целью поинтересоваться – сколько сейчас градусов по Фаренгейту. Гоп-компания, всегда наглая и храбрая, уверенная в себе и плюющая на других... с одним маленьким «но» – она такая лишь при количественном перевесе.

– Ну чё, чувырлы, хотели моего братишку щемануть? А? Чё молчите – языки в задницу засунули? – спрашивает один из подошедших, крепыш со шрамом на щеке.

Так вот на кого похож стриженный парень! Кто-то из наших рассказывал, что Жила успел отсидеть небольшой срок за воровство. Теперь набрал команду отмороженных и занимается мелким грабежом и разбоем.

И нам выпала честь познакомиться лично...

– Если он твой брательник, так научи по уму базарить и сам тормознись – не с мелочью трешь! – Евгений тоже узнал Жилу.

Отступать некуда, и остается строить из себя авторитетных людей. При благоприятном исходе – разойдемся по сторонам, или перенесем разговор на более позднее время. Но сегодня точно не мой день.

– Ты чё, шегол, учить меня вздумал? На кого выеживаешься? А? – Жила выплевывает сигарету и делает шаг вперед.

Красный уголек падает на мокрую листву и обиженно пшикает.

– Осади слегонца и не накаляйся. Твой брат неправ, и конкретно, так что прежде чем впрягаться, разберись в теме! Если дело серьезное, то встретимся в неформальной обстановке, и слово за нас скажут солидные люди. Так, с бухты-баряхты, можем и не решить! – вмешиваюсь я.

Жила поднимает бровь, когда смотрит на брата. Остальная компания рассредоточивается по роще, отрезает путь к дороге. Позади Теза.

У левой ноги замечаю бутылку из-под пива. Всё же оружие.

– Да чё с ними разбираться? Эти лошки горбатого лепят, основных из себя строят, а на самом деле промокашки беспонтовые. Все за вас знаем, так что не сучите ногами! – скулит «братишка».

– Так вы чё, пургу прогнали? Мне?! Ну и чем отвечать будете – бабосами или здоровья лишку? – Жила сплевывает в сторону и, разворачиваясь обратно, бьет правой рукой, метя Евгению в челюсть.

Реакция нарабатывалась годами, и удар уходит в пустоту. Но, когда Евгений отшатывается, на него прыгает брат Жилы. Его короткий полет обрывается боковым ударом в живот.

Нога выстреливает сама, причем резко, словно на волю вырвалась сжатая пружина. Сам от себя такого не ожидал. Рефлексы. Стриженный отлетает назад и складывается пополам, руками обхватив живот.

Первый удар сделан, назад дороги нет. Теперь только в прорыв и постараться выйти с наименьшими повреждениями!

– Мочи их!

Подобно быкам на красную тряпку группа бойцов кидается в атаку.

Дальше всё смешивается в непрерывную череду ударов, грязного мата и болезненных вскриков. Мыс Евгением работаем кулаками как заведенные. Удары сыплются с разных сторон. Бьют куда попало, не разбирая, не думая, не щадя.

В темноте мелькают перекошенные яростью лица, оскалы зубов, сбитые холки кулаков. С головой захлестывает недавняя злость, и я сам кидаюсь на этих гандонов.

Ярость находит выход. Краснота застилает глаза. Всё расплывается и в то же время становятся четкими движения, которые проплывают мимо.

Сломать! Покалечить!

Жалости и сожаления как не бывало. Не может быть и речи об отступлении. Сдаваться никто не собирается.

Перехватить ногу и по яйцам! Удар, ещё один. Уклон и в грудь...

Пробиться не удастся. Нас отбрасывают к деревьям, и возникает небольшая пауза. У двоих струится из носа кровь, один зажимает глаз, брат Жила поднимается с земли.

Во рту металлический привкус крови, под языком покачивается нижний резец. Евгений старается перенести вес на левую ногу.

Жила сует руку в карман и криво усмехается:

– Ну всё, падлы, хана вам!

Новая атака, и мы снова кидаемся на прорыв. Перед глазами возникает хмырь в бейсболке, я бью точно под согнутый козырек. «Бейсболка» отлетает на пару метров, катится по палой листве.

Кто-то запрыгивает со спины и обхватывает шею локтевым сгибом, другая рука лезет прокуренными пальцами в глаза. Пока я оттягиваю вонючую ладонь, слева прилетает ещё два удара. Один из них попадает в глаз – слезы брызгают ручьем, темные фигуры мутнеют. Глаз моментально заплывает.

Жесткий пинок под колено, но падаю ничком и перекатываюсь через голову. Заодно сбрасываю прилипшего сзади. Остроносый! Шея освобождается и я, завершив кувырок, локтем врезаю по ненавистному рылу. Оставляю парня лежать на земле и смотреть хорошие сны.

Футбольным ударом меня отбрасывает от поверженного противника. Я врезаюсь боком в старую липу. Влажная ветка громко хрустит под весом, острый сучок пропарывает куртку. Пламя широкой полосой обжигает кожу.

Твари!

Злость перерастает в ненависть к сволочам, что умеют нападать только с явным превосходством, или в темноте, со спины. Ярость подхлестывает лучше любого стимулятора, и я вскакиваю на ноги.

Уничтожить!

Я пытаюсь вдохнуть, и жаркая молния стегает по груди, заставляет согнуться. Похоже, что сломано ребро, но падать нельзя – затопчут.

Ненавижу!

Снова вдох и темнеет в глазах. Удар в правую скулу, и земля рвется навстречу. Пытаюсь не упасть, перебираю ногами, но тело мотает и всё больше относит к холодной Тезе. Очередное дерево останавливает недолгий бег и, придерживая грудь, я выпрямляюсь.

Евгений отбивается от троих нападающих, за их спинами крадется Жила, выбирая момент для нападения, в руке поблескивает перочинный нож. Тела двоих лежат среди мусора. Где же ещё один?

– Женька, у него!..

Я не успеваю закончить фразу.

Слева выныривает окровавленная рожа стриженного парня, и челюсть вспыхивает от резкой боли. Я пытаюсь ударить в ответ, но очередная острая вспышка боли скручивает тело, на мгновение теряю противника из виду. В следующую секунду я вижу летящий кулак, на пальцах сверкает металлическая полоса.

«Кастет!» – мелькает мысль за миг до того, как в голове взрывается бомба.

Яркая вспышка и тут же непроглядная темнота, ощущение полета в невесомости... Откуда-то слышится громовое рычание и почти сразу же истошные крики...

Жесткое падение на землю. Боль уходит... Накатывает вселенская тьма морозной ночи...

Ненавижу!

Первый навык

– Женька, у него нож! – истошно кричу я и пугаюсь собственного голоса.

Его нет! Ни вопля, ни писка! Ничего... Ти-ши-на.

Я не ощущаю тела. Темнота, сплошной мрак! Где я? Я парализован?

– Эй! – и снова не слышно голоса.

Может потому, что мне нечем кричать? От этой мысли я пугаюсь ещё больше. Я пробую пошевелить хотя бы чем-нибудь, но даже язык не может коснуться зубов. Зубов нет... языка тоже....

Может я умер?

От этих мыслей страх накрывает огромной волной. Я кричу неслышимым голосом, бьюсь несуществующим телом, стучу иллюзорными руками и ногами.

Но я же существую!

В диком ужасе я пропускаю возникновение картинки. Словно кто-то открыл глаза, и я вижу всё его глазами. Словно сижу в огромном кинотеатре, где я всего один зритель. Ощущаю чьё-то тело, слышу чьи-то мысли, чувствую чьи-то эмоции.

Но это всё не моё...

Я пробираюсь по сырой осенней тайге. Угрюмо иду вперед: обхожу замшелые пни, проваливаюсь в заросшие осокой овраги, продираюсь через переплетение кустов.

Это не мои руки!

Запах чувствуется явственнее. Muskus, мокрая псина и железный оттенок крови. Застарелый запах, кислый.

Ненавижу! Как же я ненавижу! Уничтожить тварь!

Эти мысли не мои! Но как похоже на моё недавнее состояние... А запах...

Манящая струйка ведет вглубь, в темноту дикой природы. Все чаще я бухаюсь во влажный мох, но упрямо сжимаю зубы. Иду вперед.

Это чужие ноги!

Спешу дальше, листьями иван-чая оттираю грязные руки. По ногам кузнечным молотом бьет усталость, дрожащие колени пытаются побеждено согнуться, каждый шаг дается с трудом.

– Эй, ты кто? Ты слышишь меня?

Отомстить! Убить!

Левой! Правой!

– Мужик! Ты меня слышишь?

Подготовка помогает в пути, но нервное напряжение выматывает сильнее многокилометрового спринта. Чувствую, что цель неподалеку.

Отомстить! Убить!

Левой! Правой!

Воняющие тухлыми яйцами болота подсовывают коряги и кочки – наступи на одну и провалишься в бездонную хлябь.

Ненавижу!

Не получается докричаться до хозяина тела и просто наблюдаю его глазами за происходящим. Его глазами? Моими глазами?

Сухие кусты колючими ветвями отчаянно цепляются за притороченный арбалет, стараются не пустить дальше.

Уничтожить!

Огромные комары носятся тучами, готовые высосать досуха зазевавшуюся жертву. Покрытые паутиной лапы елей отчаянно лезут в глаза, в волосах остаются ароматные иголки.

Разрушить!

Обхожу по широкой дуге робких оленей, кожей чувствую внимательные взгляды грустных темных глаз. Проползаю с черепашьей скоростью мимо семейства кабанов, огромный вепрь лишь хрюкнул в сторону необычного холмика.

Убить!

Кто же так его зацепил?

Стараюсь не попадаться на глаза живым существам – кругом враждебная тайга. Я двигаюсь из последних сил и неумолимо приближаюсь к цели.

Остается несколько километров, когда аккуратно натягиваю толстую тетиву. С легким щелчком встает оптический прицел.

Всегда мечтал пострелять из арбалета! Блин, и ведь где-то я его видел... Вот если бы ещё мог управлять этим телом...

Ненавижу!

К будоражащему запаху добавляются слабые дуновения. Но то не тяжелые ароматы тайги, а дух человеческого обитания – свежие спилы дерева, резковатый дым костра, благоухание сорванной травы.

Отомстить!

Левой! Правой!

Каждые полчаса, намазываясь вонючей смесью, я перебиваю запах и ближе подхожу к объекту. Отчетливее становится амбре врага. Как же я его ненавижу, готов удавить голыми руками, но силы далеко не равны.

Его мысли вращаются вокруг убийства. Может, я стал экстрасенсом и научился читать чужие мысли? От удара по кумполу и не такое случается...

Дальше передвигаюсь со скоростью беременной улитки, подбираюсь на расстояние уверенного выстрела. Стелюсь по сырому перегнуто, миллиметр за миллиметром подтягиваю тело вперед. Влажная осока царапает щеку, от земли веет холодом.

Можно не торопиться – мишень как на ладони.

Тайга окружает небольшую полянку, к ней ели тянут мохнатые лапы, образуют почти глухую стену из зеленых игл. На краю поляны чернеет вход землянки, на крыше видна свежая трава. На чурбачке перед костром сгорбившийся кряжистый старик заворожено смотрит на пляшущие изгибы огня.

Тварь!

Меховая накидка обнимает широкие плечи, на мягкую шерсть спускаются седые волосы. Локти упираются в колени, устало перекрестились крепкие руки с мозолистыми ладонями.

Так вот за кем идет охота! А кто это?

Руки медленно извлекают заговоренную стрелу и аккуратно вставляют в изогнутое ложе арбалета.

Всего один выстрел. Промах – крах. Второго шанса не будет.

В оптический прицел видна сеточка морщин на лице старика, хрящеватый орлиный нос и тяжелая складка у рта.

Ненавижу!!!

Палец ложится на спусковой крючок, дыхание замирает. Гаснут звуки. Исчезает пересвист птиц, потрескивание костра, стихает ветер в деревьях. Два стука сердца и всё кончено. Ощущаю гладкость крючка, знакомого, привычного, родного.

Старик неожиданно поднимает голову и смотрит на меня, сквозь оптику прицела. Обескровленные губы дергаются, растягиваются в усталой улыбке и обнажают крупные желтоватые зубы.

Тварь!!!

Морщинистое лицо вытягивается вперед, угловатая челюсть расширяется, и удлиняются зубы, превращаясь в клыки. Из глубины широкой груди раздается угрожающее рычание.

Офигеть! Что же такое происходит? Я попал в фильм ужасов? Или это снова заставка игры «Войны кланов»? Что это за хрень творится?

Руки наливаются свинцом... древний арбалет тянет вниз... становится неподъемным... На глаза падает полупрозрачная пелена, я почти ничего не вижу.

Начинается переход!

Лишь бы успеть.

Сухо шелкает тетива.

Вдалеке раздается многоголосый волчий вой.

Темнота накидывается черной тканью...

Сколько времени я без сознания? Поднимаюсь и бегу прочь из неизвестного места.

А где землянка и старик? Словно из памяти вырвали огромный кусок.

Быстрый, долгий бег, удары веток по лицу. Понемногу проясняется в голове, уходит из тела слабость.

Это игра или реальная жизнь?

Вой приближается.

Ветки хлещут сильнее...

Больнее...

Как же больно...

– Навык бега усовершенствован! Теперь он может соревноваться с оборотнями!

От звука голоса я дергаюсь. Кто это?

– Он сможет, он избранный! – мужской бас гремит в голове громовым раскатом. –

Очнись, избранный!

Я избранный? Круто! Прямо как Нео из "Матрицы"...

– Эй, тут ещё один! – резкий голос и жесткие пощечины вырывают меня из темноты забвения. – Походу, он обосрался.

Вырывают откуда? Из игры? Я снова на полу в общаге?

Яркий луч бьет по глазам, ослепляет даже через сомкнутые веки. Чтобы заслониться от густого света, пытаюсь поднять руку. Не могу. Еле-еле удается разодрать липкие ресницы.

– Очухался? – фонарь перемещается в сторону.

Я киваю в ответ и тут же жалею о дурацком поступке – башка гудит, словно рядом ударили в огромный колокол. Земля кружится, деревья устраивают дерзкий хоровод, звездное небо падает вниз. Темная ткань с россыпью серебристых точек поглощает в себя, в бездонную глубину, в сырую прохладу. Опять туда, в чужое тело...

– Э-э-э! Завязывай бухаться в обморок, чай, не кисейная барышня! – снова хлесткие удары по щекам, в ноздри врывается едкий запах нашатыря.

Тошнотворный резкий дух слегка разгоняет марево, и я пытаюсь приподняться. Снова на берегу Тезы. Снова около дискотеки...

Как же всё болит! Хреновый из меня избранный...

– Куда ты? Лежи! Пока не проверим – даже не дергайся! – рука, пахнувшая нашатырем и лекарствами, прижимает к земле.

Глаза понемногу привыкают к темноте. Я оглядываюсь, стараясь излишне не шевелить головой. Рядом глинистый обрыв, покачиваются пожухлые пучки рыжей травы. Слева текут воды Тезы, и блики фонарей гоняются за широким блюдом луны, словно хотят догнать и отмудохать небесное светило.

Возле меня суетятся два врача. Через разбитые губы сами собой вырываются стоны, когда болезненно задевают ребра. Помогает с освещением высокий милиционер. На его поясе

беспрестанно бубнит рация, перекликаются озабоченные голоса. Между деревьев мелькают яркие лучи ручных прожекторов.

Откуда столько народа?

– Как там Женька? – разбитые губы еле шевелятся, распухший язык кажется большим сучковатым поленом в печной топке.

– С ним все в порядке, пара фингалов да сломанный нос. Сейчас показания дает, – отвечает молодой врач, чьи стильные очки поблескивают в свете фонаря. – Ты-то как – встать сможешь?

– Попробую.

Четыре руки бережно подхватывают с двух сторон и пытаются приподнять, но судорога разрядом тока хлещет по груди. Тело выгибается дугой, вырывается из поддерживающих рук. Я с размаха бьюсь головой о твердую глину – происходящее отпрыгивает в зияющую пропасть темноты.

Снова едкий запах нашатыря и трубный крик:

– Носилки сюда! Здесь «тяжелый»!

– Держись, дружище! А то нашатыря не напасем! – обдает запахом лука пожилой врач.

Куда подевался охотник с арбалетом, старик с землянкой?

Неужели всё привиделось, пока я лежал без сознания? Наверху ждут отморозки или успели убежать?

От обилия вопросов башка болит ещё сильнее.

Легко спрыгнув, к нам присоединяется худощавый мужчина. Серый плащ чуть распахнулся при приземлении. Колючий взгляд мельком царапает мою лежащую тушу, фонарь в руках обшаривает прибрежную бровку. Краем глаза я заметил, как тип снял с раскидистой вербы небольшой клочок и быстро убрал его в нагрудный карман.

Сверху спускают носилки. В шесть рук меня аккуратно кладут на пахнущую формалином ткань. Крепят широкими ремнями, чтобы не упал при переноске.

Или чтобы не сбежал...

– Ох, и здоровый же ты! – пыхтит молодой врач.

– Это я ещё не жрамши, – я с трудом раздвигаю губы в улыбке и осекаюсь – что-то теплое течет по подбородку.

«Уничтожить!» – в голове ещё гремят мысли неизвестного охотника.

– Если шутикуешь, то, значит, жить будешь. В отличие от твоих друзей, – пыхтит врач, забираясь на обрыв.

– Отставить разговоры! – командует «серый плащ».

– Каких друзей? – я поворачиваю голову.

Черепушка откликается ноющей болью, но открывшееся зрелище заставляет о ней забыть.

В мельтешении фонарных лучей выделяются прямоугольники простыней, под ними угадываются очертания человеческих тел, застывших в разных позах. На белых полотнах расплываются красные кляксы. В скудном освещении четыре простынки кажутся нелепыми заплатками на грязной поляне. По территории деловито снуют люди в милицейской форме, мелькают белые халаты.

Две немецких овчарки, как по команде, поворачивают головы в сторону моих носилок. Из распахнутых пастей выплеснулся оглушающий лай. Присутствующие разом поворачиваются к предмету переполоха, двое милиционеров хватаются за кобуры.

Собаки рвутся к моим носилкам, и кинологам с трудом удается удерживать разбушевавшихся зверей. Резь жестко бьет по нервным окончаниям, вызывает судорогу. Ремни потрескивают, но удерживают на месте, пока тело пытается закрутиться узлом.

– Чего это с ними?! – кричит кинолог.

Пистолет у носа

– Там тела, на поляне... Вы можете рассказать?

– Давай-ка познакомимся. Владимир Александрович Голубев, следователь по особо важным делам. Ты видел их. На вашей полянке погибли четыре человека, ещё трое находятся в реанимации. Что у вас там произошло? – спрашивает следователь вместо пояснения.

Я превращаюсь в один ноющий кусок страдания. Даже блокада отступает после услышанной новости. Взгляд скользит по салону «Скорой», тонким стойкам, пыльным плафонам, хмурым врачам и останавливается на колючих глазах следователя. Скуластое лицо с немного вздернутым носом напрягается в ожидании ответа. Кисло пахнет формалином и спиртом.

– Александр Владимирович Алешин, студент Шуйского индустриального техникума, – я с трудом выдавливаю из себя слова, пока в голове гремит мысль о четырех убитых.

«Уничтожить! Ненавижу!» – возникает отголосок мыслей охотника.

Неужели это сделал я?

– Хорошо, Александр, расскажи, что ты помнишь! – командует следователь.

От моста до больницы пять минут пути, так что я успеваю вкратце рассказать о драке и даже отвечаю на уточняющие вопросы. Врачи прислушиваются и переглядываются. Машина трясется, словно едет по терке. Как всегда осенью затеяли ремонт дороги... Иногда встряхивает так, что прикусываю кончик языка.

По-разбойничьи свистят тормозные колодки, створки дверей распахиваются. Подлетают плечистые санитары. Больничная каталка скрипит, когда дерматиновая поверхность принимает отстегнутое тело. После теплой машины сырой холодок пробегается по коже. Промозглая ночь швыряет в лицо противную изморось.

– Давай, аккуратнее, вот так вот! Ага. Эх, и здоровый же парень. Такому на завод идти, а не пьяными драками заниматься, – бурчит один санитар другому.

– Окончу техникум и после армии устроюсь, – обещаю я мужчине. Тот лишь скептически хмыкает, мол, знаем мы вас, юристов-экономистов.

Серое здание больницы смотрит в небо глазницами окон, в половине горит свет. Белая дверь со скрипом распахивается, и на пороге возникает женщина внушительных размеров:

– Ещё один? Какое состояние?

– Лучше, чем у предыдущих, но нужно полное обследование. Сломаны ребра и периодические потери сознания, – рапортует один из врачей, когда меня заносят внутрь.

Следом скользит Голубев. Худощавая фигура двигается с грацией балерины, но от этой «балерины» тянет опасностью. Сбоку постоянно мелькает серый рукав.

За дверью желтый коридор с множеством дверей. К стенам прижимают коричневые стулья. Дерматин на большинстве сидений лопнул, и на свет вылезает желтая губка подкладки. Несколько ламп дневного света периодически мигают, словно пародируют сцену из фильмов ужасов. Длинный полутемный коридор и мигающие лампы. В воздухе царит густой запах – букет немощи, мучений и страха смерти. Дух болезни щедро сдобрен смрадом хлорки.

– Вы кто? – спрашивает врачаха у следователя.

Тот, не глядя, вынимает корочки и раскрывает перед носом врачихи. Женщина кидает взгляд на удостоверение, более пристально смотрит в глаза следователю. Борьба взглядов продолжается около половины минуты. Неизвестно кто победил, но она командирским тоном, не допуская возражения, заявляет:

– Подождите пока в коридоре, когда закончим – вас позовут.

– Я должен быть с ним! – следователь угрожающе шагает вперед.

На худом лице застывает недовольная гримаса, желтоватая кожа натягивается на скулах. Он всё-таки подозревает меня, боится, что могу скрыться? Мне и дышать-то больно, не то чтобы двигаться.

– Я велела подождать в коридоре! Или буду вынуждена позвонить вашему начальству и сообщить о том, что вы препятствуете оказанию первой медицинской помощи!

Похоже, что у врачихи накопился изрядный опыт общения со служителями закона. Санитары восхищенно переглядываются, они-то опустили головы после возникновения красной книжечки. Они поступили как законопослушные граждане.

Неразборчиво пробурчав под нос, следователь отходит в сторону и садится на скрипучий стул. За каталкой следует немигающий взгляд, я чувствую его кожей. словно с головой залез в кучу стекловаты, и теперь мельчайшая пыль колется и чешется. Колеса каталки катятся по неровному плиточному полу, надо мной проплывают давно не мытые плафоны. Где одна лампа не горит, где обе.

– Несите в смотровую, я сейчас подойду, – врачиха устремляется вперед и вскоре пропадает из виду.

Каталку завозят в комнату, разделенную пополам голубоватой шторкой, санитары перекладывают меня на кушетку. Рука санитар цепляет ребро, и новая вспышка боли хлещет по нервным окончаниям.

– Слушай, парень, а что у вас там произошло? Чего так много мертвых? – спрашивает санитар, который недавно жаловался на пьяные драки.

– Не знаю, я не помню ничего... Вырубили.

– Ну ладно, отдыхай, завтра расскажешь, – санитар хлопает меня по плечу, и я остаюсь один.

Четверо убитых, трое раненых, у Евгения нашлапка на носу, ещё и сон не выходит из головы. В черепной коробке путаются, толкаются и налезают одна на другую разные мысли. Либо на нашу полянку налетели враги Жилы и порезали его, либо...

Чтобы отвлечься от невеселых мыслей я решаю открыть шкафчик рядом с кушеткой. Стекланные дверцы изнутри занавешены белой тканью. Интересно, что же там находится?

Едва протягиваю руку, как от двери доносится:

– Любопытной Варваре на базаре нос оторвали. Не боишься повторить её участь?

В дверях улыбается знакомая врачиха, полная рука по-хозяйски упирается в бок.

– Извините, – бормочу я, – ни разу не лежал в больнице, палаты видел лишь по телевизору. Вот и захотелось самому убедиться – правду там показывают или выдумку сценаристов.

– Ни разу? Интересно. Ну ладно, давай посмотрим, что там у тебя поломалось.

Далее начинается обследование: вопросы и ответы, постукивание и пальпация, свечение в глаза фонариком и другие прелести больничного обихода, с которыми в той или иной мере каждый знаком. К осмотру присоединяются два пожилых врача. Вызывают санитаров и меня помещают под добрые лучи рентгена.

В результате выясняется, что сломаны два ребра, на четырех обнаружены трещины. Находится повреждение грудного позвонка и апофеозом – сотрясение мозга третьей степени. Сняжки, ссадины и ушибы не принимаются во внимание.

Гипсом закрепляют шею, чтобы излишне не тряс головой. Под кожу входит очередная порция обезболивающего. В принципе можно было и не колоть, так как боли почти не ощущал, но плотная врачиха настояла.

В ходе процедур я узнаю, что на наше побоище слетелась толпа бродячих собак. Почуввав запах крови, дворняги впали в бешенство, так как у погибших и у тех, кто в реанимации, на теле обнаружены следы огромных зубов.

Оставшийся невредимым парнишка успел залезть на дерево и слегка спятил от увиденного. Так решили, потому что молодой человек упорно твердит о каком-то большом черном

зверю, который выпрыгнул из кустов и устроил кровавую резню. Как же много я пропустил, валяясь без сознания!

Хотя увидел что-то другое... непонятное... из того уголка подсознания, где сражаются два оборотня и бородатый человек.

Оборотни? Или что-то другое?

Что за хрень творится?

Взамен грязной и порванной одежды я получаю синий выцветший халат. От него пахнет лекарствами и хлоркой. Затем врачи в очередной раз качают умными головами и зовут санитаря. Каталка выезжает в очередной коридор.

Молодой, словоохотливый парнишка быстро устанавливает, что я ничего не знаю. Он разочарованно вздыхает, а после рекой начинают литься анекдоты. Так мы поднимаемся на четвертый этаж: санитар треплется, я лежу на каталке и перебираю догадки о происшедшем, рассеянно улыбаюсь, когда наступает пауза, возвещающая о конце анекдота.

– А ты что знаешь о случившемся? – спрашиваю у парня в очередную паузу.

– Да об этом вся больница гудит, докторов из постели вытащили – пытаются троих откачать. Не говори только, что ту кодлу с другом отхреначили. Этак лихо порвать – никакой силы не хватит. Опс, ладно! Вон тебя дожидаются, – парнишка кивает на сидящего следователя.

Рядом с Голубевым маячат два здоровенных милиционера. Вызвали для подкрепления? Для охраны?

Я вновь слышу мысли загадочного охотника: «Ненавижу! Уничтожить!» Может, обезболивающее оказывает такое влияние?

Жесткая каталка прокатывается несколько метров, и санитар толкает бежевую дверь. От щелчка выключателя загорается тусклая лампочка, я почти слышу, как она пожаловалась на потревоженный покой. Комната освещается бледно-желтым цветом

Узкая палата, похожая на школьный деревянный пенал (или гроб?), радушно встречает четырьмя койками, прикроватными тумбочками и умирающим цветком в коричневом горшке. На койке у окна спит черноволосый мужчина. Он недовольно шурится, когда в глаза ударяет электрический свет, и поднимает кудрявую голову.

– Что такое? Я просил никого не подселать! Серега! Вот оторву уши и сложу в биксу, тогда будешь знать, чем старших слушать! – басит мужчина густым и сочным голосом.

– Наталья Павловна велела! А я что? Я ничего, – санитар испуганно пятится, явно струхнув от угрозы. Как за живым щитом, студент прячется за моей каталкой.

Мужчина смотрит на меня, чуть склонив голову на плечо. Так на меня смотрели на призывной комиссии, когда хотели забрать в армию, а учеба в техникуме была тому помехой. Вроде бы и близок локоток, а не укусишь. После оценочного взгляда кивает санитару, мол, завози. Весельчак помогает мне перебраться на кровать, скрипят просевшие пружины.

– Вы можете быть свободны, – чеканит следователь, обращаясь к парню, и того как ветром сдувает. Когда Голубев успел зайти? И ведь так неслышно.

– И что вас сюда привело? – спрашивает потревоженный пациент и садится на кровати.

Ого, какой здоровый – под два метра ростом, плечищи не во всякую дверь пройдут, из-под майки выбивается густой шерстяной покров, волос пореже кудрявится на руках и ногах. Такой может зимой на снегу спать без одеяла, даже насморк не подхватит. Лицо словно вырублено топором из дубового полена, а маленькие глазки похожи на вываленные в красном перце стеклянные шарики.

– Прошу вас выйти на пятнадцать минут, сейчас запишу показания, и вы вернетесь к прерванному отдыху! – говорит следователь.

Перед носом мужчины распахиваются коралловые корочки. Мужчина пробегает по строчкам взглядом, сравнивает фото с оригиналом и бурчит:

– До утра нельзя подождать?

– Повторяю – прошу вас выйти на пятнадцать минут! – говорит следователь сидящему мужчине и бросает в сторону двери.– Прапорщик! Проводи мужчину!

– Ну ладно, раз дело важное – пойду, прогуляюсь, – дядька сует волосатые ноги в тапки, халат потрескивает на могучих плечах.

Мягко ступая, мужчина выходит из палаты. Мощный, здоровый, словно племенной бык, который поднялся на задние ноги. Он поворачивается я боком, чтобы протиснуться между косяков. Двери явно не рассчитаны на подобных пациентов.

Голубев садится на кровать напротив, осматривает больничную палату, в руках появляется прежний блокнот:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.